

ГЛАЗАМИ ХУДОЖНИКОВ

Татьяна Гончарова

А.И. Кравченко
Красная Кerkovь <1924–1925>
Холст, масло

Музей-усадьба Мураново известен преимущественно как литературно-мемориальный. Тема жизни и творчества двух поэтов — Е.А. Боратынского и Ф.И. Тютчева — настолько доминировала над остальным его содержанием. Между тем «мурановский феномен» — универсальное многозначное явление, требующее всестороннего осмысления. Одна из важнейших его составляющих — художественный аспект усадебной жизни (наличие в доме предметов искусства, создание эстетической среды, присущей именно усадебному миру, художественное воспитание детей, отношение к событиям художественной жизни).

Все четыре семейства, жившие в Муранове в XIX — начале XX века, связанные между собой родством, не были безразличны ни к эстетической стороне своего быта, ни к явлениям художественной жизни своего времени. Например, Е.А. Боратынский весьма заботился об обучении своих детей рисованию. Художественное образование детей поэта в Муранове связано с поступлением в дом «превосходного учителя рисования» Эллера. Сам поэт хорошо рисовал, — его многочисленные рисунки хранятся во многих архивах и музеях. В собрании нашего музея имеется карандашный рисунок, изображающий Боратынского в молодости. По семейному преданию, это автопортрет. Также известно, что поэт интересовался произведениями искусства, имел о них свое, незаемное, тонко и точно высказанное суждение. Сохранилась его записка 1829 года к коллекционеру Н.Д. Иванчину-Писареву: «...я провел у вас такие приятные минуты... Очень меня одолжите, ежели назначите мне утро, в которое застану вас дома. Уверенный в вашем добром расположении, смело пишу: до свидания. Е.А. Боратынский. PS. Тестя мой желает побывать вместе со мной». Из текста записки ясно, что и сам поэт с удовольствием знакомился с коллекциями произведений искусства, и его тестя Л.Н. Энгельгардт, человек живого ума и широкого кругозора, тоже не чужд был этих интересов.

Следующие обитатели усадьбы — Н.В. Путьята и И.Ф. Тютчев — имели произведе-

ния достойного художественного уровня и предоставляли их на художественные выставки. А Иван Федорович Тютчев одно время даже возглавлял совет Московского художественного общества.

В русской усадьбе изобразительное искусство преимущественно бытовало в виде семейных портретов, составлявших основу бережно сохраняемой семейной мифологии — памяти рода. Оно проявлялось и соотносилось с бытием в форме любительского творчества, например, альбомного или предметного рукоделия (расписные абажуры, экраны, вставленные в застекленные шкафчики композиции из вырезанных из журналов картинок, композиции из засушенных растений в рамках под стеклом, разнообразные вышивки и т.п.). Искусство было вкраплено в бытийную ткань жизни, составляло как бы фон этой жизни и создавало «систему уюта, близкую русской душе».

С энгельгардтовских времен в Муранове существовали любительские произведения, выполненные обитателями усадьбы. Это альбомные рисунки Натальи Львовны Энгельгардт, Софьи Львовны Путьяты, ее дочери — Ольги Николаевны, в замужестве Тютчевой. Приближающиеся к профессиональному искусству акварели Д.В. Путьяты — целая эпоха в изобразительной галерее усадьбы. Также нельзя не учесть привнесенные в усадебный дом произведения, авторы которых связаны родством с хозяевами Муранова. Это виды Овстуга и Варварина О. Петерсона, рисунки Ан-

ны Федоровны Тютчевой и ее воспитанницы великой княжны Марии Александровны, а также работы Александры Евгеньевны Боратынской — старшей дочери поэта, которая приезжала в Мураново, где прошло ее детство и отрочество. И, конечно же, юношеские рисунки Ф.И. Тютчева — в Муранове их два.

Четкая граница между фактом искусства и фактом быта возникла в том случае, когда в семье появлялся коллекционер. В Муранове это начинается с момента серьезного увлечения собирательством Н.И. Тютчева. Но и в этом случае коллекционные вещи не меняли облик дома, поскольку в основном были сосредоточены в личных комнатах Николая Ивановича.

Профессиональные художники приезжали в усадьбу или по приглашению, как, например, академик П.А. Нисевин, который бывал здесь в 1868 и 1869 годах, давал уроки рисования Ольге Николаевне Путяте и написал несколько акварельных видов усадебного дома и окрестностей поместья. Иногда художник-профессионал появлялся в усадьбе для выполнения какого-то заказа, например, И.А. Асафьев, написавший для домового церкви образ Спасителя в терновом венце и оставивший хозяевам два мурановских пейзажа.

Позже, в 1909 году, художнику П.Д. Шмарову заказывают портрет И.Ф. Тютчева. Художник приступил к написанию портрета, но внезапная болезнь и последовавшая затем смерть Ивана Федоровича прервали работу. Портрет заканчивался позже — по фотографии. Кисти этого мастера принадлежит также этюд с видом усадебного дома.

К 100-летию усадьбы художница М.Н. Градовская выполнила две миниатюры — композиции из дворянских гербов и портретов мурановских обитателей. Интересная работа этой художницы сохраняется в главном доме — абажур настольной лампы, ук-

П.Д. Шмаров. Портрет И.Ф. Тютчева. 1909. Холст, масло

рашенный сюжетами на «наполеоновскую тематику».

Художественное собрание усадьбы пополнялось также произведениями, подаренными владельцам или же приобретенными ими как сувениры.

Бывали и курьезные случаи. Например, в 1912 году на одной из художественных выставок в Москве была представлена для обозрения картина известного художника О.Ю. Клевера «Заброшенная усадьба». В ней Тютчевы узнали свое родовое гнездо в Овстуге, где родился и провел детские годы Федор Иванович. Картина эта была куплена не столько с целью пополнения фамильного собрания, сколько с целью убрать с публичного обозрения изображение обветшавшего овстугского дома. Таким образом появилось в Муранове живописное произведение, типичное для своего времени: тема «угасающих дворянских гнезд» была в то время модной.

Таким, в общих чертах, было наполнение усадебного дома произведениями изобразительного искусства в домозейное время.

* * *

В августе 1920 года в Муранове открывается музей. Этому предшествовала большая работа Н.И. Тютчева по сохранению усадебного дома, а затем и по созданию музейной экспозиции. От природы при-

сущее Николаю Ивановичу эстетическое чутье и со временем приобретенный фундаментальный багаж знаний в области истории искусства XIX века обусловили создание уникальной экспозиции, которая в целом воспринималась как художественное произведение, т. е. создавалась по его законам. Отсекалось все лишнее, второстепенное, предметы искусства и мемории семьи усиливали историко-художественные акценты, служили увеличению эмоциональной атмосферы и смысловой наполненности экспозиционного пространства.

Эта совершенно особая среда способствовала созданию замечательных художественных произведений, отражающих образ усадьбы разных лет.

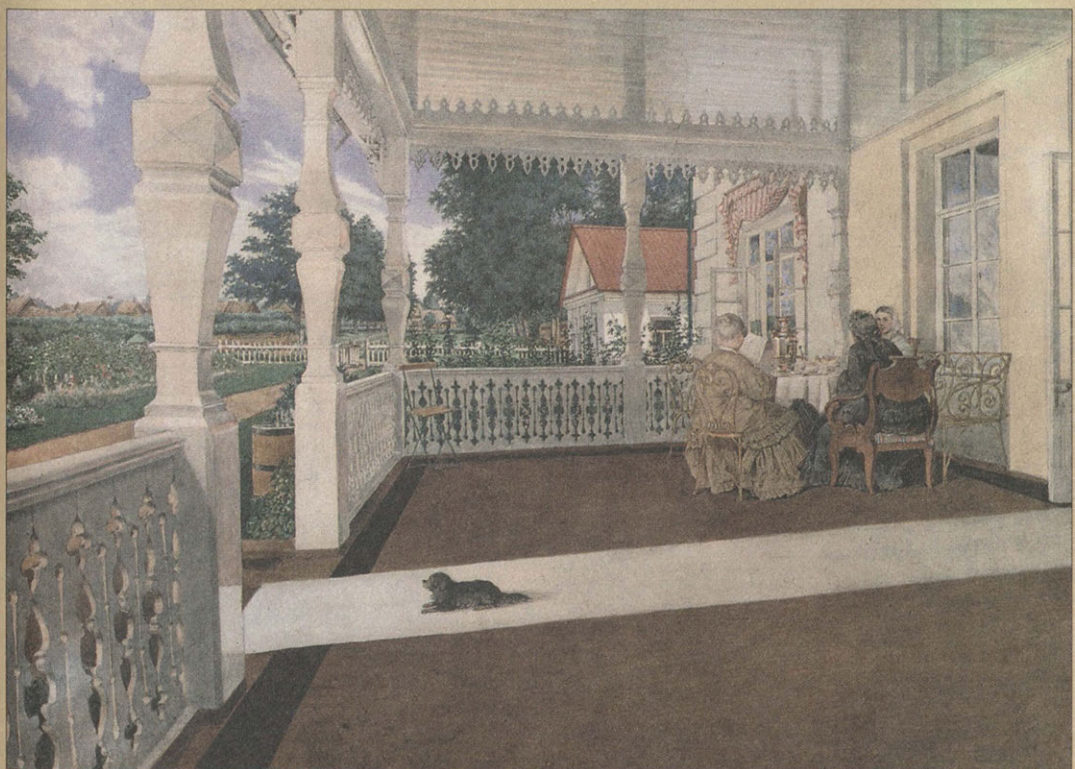
В Мураново приезжают М.В. Нестеров, Е.С. Кругликова, А.И. Кравченко, М.А. Волошин, Н.Н. Вышеславцев, П.Д. и А.Д. Корины, К.Ф. Юон, Н.С. Козочкин и другие. Некоторые из них, например, М.В. Нестеров, А.И. Кравченко и Н.С. Козочкин, подолгу жили и работали в Муранове.

При всем многообразии жизненных путей и творческих направлений, к которым принадлежали названные художники, у них есть важные объединяющие начала. Во-первых, это одна alma mater — все они учились в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, а это значит, впитали в себя живописные традиции этой художественной школы: исключительную правдивость по отношению к натуре при ответственном отношении к технической стороне произведения. Во-вторых, работа по сохранению художественных ценностей в той или иной форме, т. е. служба или сотрудничество в различных комиссиях, музеях и т.п. в послереволюционное время. Каждого из них глубоко волновала судьба культурного наследия России.

Прослеживаются между ними и личные знакомства.

О.А. Петерсон. Дом в Овстуге.
<1860 – нач. 1870-х гг.> Бумага, акварель

О.А. Петерсон. Варварино. Балкон усадьбного дома. 1876.
Бумага, акварель

П.И. Петровичев. Мурановский дом зимой.
Этюд. Не позднее 1935 г. Картон, масло.
Публикуется впервые

О.Ю. Клевер. Зброшенная усадьба.
(Дом в Овстуге). 1912. Холст, масло

* * *

Михаила Васильевича Нестерова (1862–1942) с мурановскими обитателями связывали долгие годы добрых отношений. Начиная с 1924 года почти каждое лето он приезжал сюда отдохнуть, поработать, пообщаться с людьми старой большой культуры. После революции Нестеров переживал тяжелейший депрессионный период — и в личном творческом плане, и в осознании безвыходности катастрофического положения страны. Для него, с детства впитавшего строгий упорядоченный быт православного купеческого семейства, тесно связанного с судьбой своей страны, всякое разрушение незыблемых устоев воспринималось как личная трагедия. Именно в Муранове среди милых ему людей, среди любимой им среднерусской природы и рядом с музеем, «умно и со знанием дела составленным», он получал заряд для творчества, столь необходимый в это тяжелое время.

Известно около 25 произведений, созданных Нестеровым в Муранове. Это преимущественно этюды окрестностей, карандашные наброски по мотивам старых работ, новые композиции. Сейчас эти работы разбросаны по разным музеям и частным коллекциям. В мурановском музее хранится восемь работ автора: из них шесть рисунков, выполненных, главным образом, цветными карандашами и два живописных этюда — «Вид мурановского дома», с дарственной Н.И. Тютчеву от 1926 года и «Остатки рощи Боратынского», с дарственной С.Н. Дурьлину от 1935 года (авторской даты на произведении нет).

Особенно интересна последняя работа. Она, может быть, наиболее «нестеровская» из всех мурановских работ автора. Несмотря на малый размер, в этюде присутствуют панорамность, особый «гобеленовый» тон зелени,

столь характерные для «дореволюционного» Нестерова, а главное — то состояние напряженного покоя, которое делает работы мастера бесконечно притягательными. Скорее всего, именно об этом этюде писал автор в письме к дочери В.М. Титовой 27 мая 1934 года: «Пишу тебе из милого Муранова, оно встретило меня, как всегда приветливо, но на другой же день с утра пошел дождь, подул ветер и стало холодно; так и по днесь.. И все же я наслаждаюсь природой, чириканьем птичек, из коих соловей первенствует, а кукушка кукует, деляя весну такой знакомой, такой «русской» весной. Я много читаю, прочел преинтересные письма Екатерины Великой к Гримму и воспоминания С.Т. Аксакова о друге своем Гоголе. Видишь — я зря время не теряю, — к тому же сегодня из окна музея, из «гоголевской» комнаты написал сносный этюд». Для Нестерова, такого требовательного к себе, определение «сносный» достаточно значимо. Из окна Гоголевской комнаты открывается вид как раз на противоположный берег пруда — в ту пору с уже многочисленными деревьями рощи. Этюд написан в 1934 году и годом позже подарен С.Н. Дурьлину; затем он попадает в мурановский музей.

Н.Н. Вышеславцев
Портрет кн. В.А. Туркестановой
Бумага, карандаш, тушь,
акварель. 1926

Но основные работы, писанные в Муранове, — это портреты Софьи Ивановны и Николая Ивановича Тютчевых, которые «работались» (выражение Нестерова) в 1927–1928 годах и шли очень не просто для автора. История работы над портретами описана Н.И. Тютчевым в его воспоминаниях.

* * *

Еще один портрет был задуман Нестеровым в Муранове. В одном из писем 1931 года он пишет: «На лето у меня другие планы, написать портрет с необыкновенно интересной, умной и полной (вроде моего «Яна Станиславского») дамы. Если это дело состоится — то придется пожить в Муранове, куда сия дама придет погостить». Речь идет об Ольге Михайловне Веселкиной, в прошлом директрисе Александровского института для благородных девиц, фрейлине, близкой знакомой Тютчевых, почти каждое лето гостившей в Муранове. По матери она была родственницей М.Ю. Лермонтова и П.А. Столыпина (на ее руках он и умер в Киеве). В ее доме он и собрании хранилось несколько лермонтовских меморий.

«Благородное происхождение» могло обернуться для человека самым трагическим образом. Почувствовав сгущающиеся над головой тучи, Ольга Михайловна передает семейные реликвии в мурановский музей. Среди них — известный портрет Лермонтова работы художника Ф.О. Будкина. Портрет находился в экспозиции музея, потом экспонировался на знаменитой пушкинской выставке 1937 года, откуда попал во Всесоюзный музей А.С. Пушкина.

...После ссылки Ольга Михайловна жила и работала в Свердловске, возглавляла кафедру иностранных языков в Политехническом институте. Причем, как прекрасный специалист, она обучала немецкому языку даже разведчиков,

в том числе и знаменитого Н. Кузнецова.

Каждое лето, в день приезда О.М. Веселкиной в Мураново, на станцию «подавался экипаж» — телега с сеном. Ольга Михайловна устраивалась в ней, остроумно обыгрывая и «экипаж», и свою дородность, и таким образом добиралась до усадьбы. Здесь-то и происходили блистательные словесные турниры Михаила Васильевича и Ольги Михайловны. И тут был задуман ее портрет, несколько набросков к которому уже было сделано (один из них хранится в собрании музея), но болезнь Ольги Михайловны помешала осуществлению этого плана. Портрет так и не был написан. В память о встречах в Муранове Нестеров подарил Ольге Михайловне несколько своих работ, которые сейчас находятся в картинной галерее Екатеринбург. На одной из этих вещей стоит дарственная надпись: «Многоуважаемой Ольге Михайловне Веселкиной на память об утреннем кофе в Муранове летом 1932 г. Мих. Нестеров».

* * *

Что не удалось выполнить Нестерову, то сделала Елизавета Сергеевна Кругликова (1865—1940). В один из своих приездов в Мураново в 1925 году она выполнила выразительный портрет Е.М. Веселкиной в излюбленной художницей техникой силуэта. Ведь недаром Кругликову называли «очаровательной феей ножиц!» Одновершенно был сделан портрет Н.И. Тютчева, но не столь удачно. На обороте листа кто-то из обитателей усадьбы написал: «Мало похож».

Известно около 1000 силуэтов работы этой художницы. Это многочисленные жанровые сценки, портреты современников, в том числе ее ученика М.А. Волошина, который брал у нее уроки в Париже в 1900-е годы.

З. Волков

Портрет Эрн. Ф. Тютчевой
1888. Смешанная техника

Интересна для нас и великолепная, проникнутая тонким юмором силуэтная сценка Е.С. Кругликовой «М.В. Нестеров пишет мой портрет». Работа была выполнена в 1938 году во время написания первого портрета Елизаветы Сергеевны. Любопытна характеристика художницы, сделанная Нестеровым как раз в этом году: «...это девушка, интересная, талантливая, нам обоим сто пятьдесят лет... Но это ничего. Девушка так моложава, кокетливо умна, что девятнадцать сеансов, несмотря на все трудности, пролетели почти незаметно. Да, Вы все же не знаете, кто эта чаровница... Это известная офортистка Елизавета Сергеевна Кругликова. Она долгое время (старое время) жила в Париже, а последние двадцать лет профессорствовала в Академии, выпустила много своих цветных монотипий, сделанных по способу, ею когда-то изобретенному, и проч. В Москве она оказалась гостьей на три-четыре дня и задержалась по сей день благодаря моему портрету».

Эта «чаровница» частенько приезжала в Мураново, о чем свидетельствует книга записей посетителей.

Другой талантливый график, Алексей Ильич Кравченко (1889—1940) жил в Муранове в летние месяцы в 1925 и 1926 годах. Его с женой и дочерью поселили в «башне музея»: расположенные там две небольшие комнатки почти каждое лето сдавались желающим — небольшой доход от этого «предприятия» шел на музейные нужды. За два лета Кравченко написал много живописных этюдов, сделал немало композиций в карандаше и, конечно, графических листов на мурановскую тематику. Многие из этих произведений, сейчас находящихся в собрании музея, экспонировались не только в нашей стране, но и за рубежом. Его работы создают особый мир живой могучей природы, в котором порой теряется человек.

* * *

Художник Николай Сергеевич Козочкин (1898—1961) не просто приезжал в Мураново, а жил здесь с 1939 года до середины 1950-х годов каждое лето. Про него и его жену Елену Ивановну можно сказать, что они были «сотрудниками музея вне штата». Чего только не приходилось делать Николаю Сергеевичу! Он реставрировал портреты, мебель, занимался ремонтом помещений, а в годы войны ему пришлось перекрашивать дом в приглушенный, менее броский цвет — того требовали правила маскировки. Елена Ивановна работала над многочисленными карточками, «показывала музей». В такой помощи музей особенно нуждался в сороковые годы, когда из-за болезни легких Николай Иванович Тютчев уже не мог заниматься этой работой. Фактически Елена Ивановна выполняла обязанности научного сотрудника. «Вас мне Бог послал», — с благодарностью говорил Николай Иванович супругам Козочкиным.

Н.С. Козочкин. Анфилада в мурановском доме. 1939.
Холст, масло

Н.С. Козочкин. Голубая гостиная. 1942.
Холст, масло

Н.С. Козочкин. Летний день. 1941.
Картон, масло

М.А. Волошин. Крымский пейзаж. 1923.
Бумага, акварель

Действительно, в музее с полутора ставками в штатном расписании (директор и полставки научного сотрудника, которую занимал Кирилл Васильевич Пигарев, будущий второй директор музея) работы было непочатый край. Но, несмотря на загруженность, Николай Сергеевич, немало работал как художник. Мурановские интерьеры в его исполнении — самые выразительные из всех существующих поныне.

Художественное образование Николай Сергеевич получил в том же самом Московском училище живописи, ваяния и зодчества, правда, заканчивал его уже во Вхутемасе, как стали именовать учебное заведение в советские годы. Вывеска сменилась, а преподаватели в основном оставались старые. Поэтому как художник Козочкин сформировался на традициях старой московской школы. Любимым его учителем был А.Е. Архипов, и Николай Сергеевич гордился таким наставником. Позже они дружили семьями.

Несмотря на то, что с двадцатых годов Н.С. Козочкин достаточно много выставлял своих работ на выставках, широко востребованным художником он не был. Его по преимуществу лирические вещи никак не вписывались в «общий поток социального заказа». Неизвестно, что было бы с работами этого художника, если бы не деятельность И.В. Савицкого, который предпринял героические усилия по спасению наследия ряда невостребованных художников и на базе их работ создал в Нукусе великолепный художественный музей. Каждая выставка этого музея в Москве вызвала большой интерес у любителей искусства, причем работы Н.С. Козочкина на них занимали одно из центральных мест.

Ю.Б. Зиновьев. Флигель. 1980.
Картон, масло

Более пятидесяти работ Н.С. Козочкина насчитывается в собрании мурановского музея.

* * *

Мурановская тема была близка и Петру Ивановичу Петровичеву (1874—1947) — одному из первых известных живописцев, кто по достоинству оценил притягательность этого историко-культурного уголка Подмосковья. До нас дошли тринадцать пейзажей и интерьеров его работы, датированных 1920—1940 годами.

Два десятилетия его творческой биографии связаны с нашим музеем. Многие исследователи отмечали связь пейзажей художника с настроениями поэтических шедевров Ф.И. Тютчева.

К 1920 году П.И. Петровичев был уже достаточно известным художником, участником многочисленных выставок различной направленности: Товарищества передвижников, журнала «Мир искусства», но в основном он выставлялся в «Союзе русских художников». В 1917 году в Москве прошла его первая персональная выставка, причем открытие состоялось в октябре, в дни трагического политического переворота.

П.И. Петровичев всю жизнь питал неиссякаемый интерес к памятным местам России: монастырям, храмам, дворцам, усадьбам, музеям. Он много работал в своем родном Ростове Великом, в Троице-

Сергиевой лавре, в усадьбах Кусково и Останкино, в мемориальных музеях Л.Н. Толстого и П.И. Чайковского. Эта любовь зародилась у художника, вероятно, еще в начале его творческой деятельности, в бытность учеником-реставратором в Ростовском музее церковных древностей. Этого великолепного пейзажиста сформировало Московское училище живописи, ваяния и зодчества и

прежде всего его учитель И.И. Левитан, который руководил в то время пейзажной мастерской. Очень скоро талантливый ростовский юноша стал одним из любимых учеников прославленного мастера. Кратковременное увлечение модной французской техникой было оставлено после замечания Левитана: «...мы с вами русские художники, давайте писать по-русски».

В собрании семьи художника имеются три «мурановские» вещи. А всего известно одиннадцать произведений этого автора на мурановскую тематику. Они находятся в различных музеях в России и за рубежом.

В собрании нашего музея хранятся два произведения, выпавшие из поля зрения исследователей творчества художника. Это «Интерьер Литературной комнаты» с дарственной надписью на обороте: «Глубокоуважаемому Николаю Ивановичу Тютчеву, на добрую память от автора. П. Петровичев. 1933 г. 25/ХП. Мураново». В левом нижнем углу на изображении стоит авторская подпись: «Петровичев». Авторская дата отсутствует, но можно предположить, что время написания произведения и дарения совпадают. Очень точно сказал народный художник СССР Е.И. Зверьков об интерьерах кисти Петровичева: «...созданные им серии интерьеров вкусны и привычны хозяев. Каждый сюжет в себе

содержит некую тайну былой жизни. Тайна есть даже в том, как Петровичев строит пространство. Его «частный», жилой интерьер также причащен к большому миру — миру глубинному, духовному, как это у него и в пейзаже».

В 1933—1934 годах художник особенно много работал в Музее-усадьбе им. Ф.И. Тютчева над интерьерами музея. Вероятно, это был заказ Центрального музея художественной литературы, критики и публицистики. На такое предположение наводит наличие мурановских вещей в фондах Государственного литературного музея.

На картинах из собрания мурановского музея изображены часть Литературной комнаты с мебелью красного дерева, принадлежавшая Е.Ф. Тютчевой, интерьер Большой гостиной.

Характерен этюд «Мураново. Музей с юго-восточной стороны зимой». На нем изображен угол дома с ажурным крыльцом-«фонарем», пристроенным к парадному входу в конце XIX века. Неброская палитра красок, устойчивость композиции, цельность образа выдают руку умелого мастера. При этом чувствуется, что произведение создано «на одном дыхании». Изысканно колористическое решение — сочетание темно-коричневых стволов деревьев с темно-зеленой хвоей и просветами голубоватого неба. В левом нижнем углу автор-

ские подпись и дата: «Петровичев 1935». На обороте дарственная: «Дорогому многоуважаемому Н.И. Тютчеву на добрую память от Автора. П. Петровичев. 3/VIII 35 г.».

* * *

Два других замечательных мастера «серебряного века» — М.А. Волошин и Н.Н. Вышеславцев — представлены в музее по-разному. Вышеславцев — карандашными портретами Тютчева и Боратынского, а также серией «Воображаемые портреты», посвященной людям, оставившим заметный след в мировой истории.

Иначе представлен М.А. Волошин (1877—1932), вечный странник, поэт, создатель Дома поэта. В память о приезде в Мураново в 1927 году он дарит Н.И. Тютчеву крымский пейзаж и пишет удивительный отзыв о Музее-усадьбе им. Ф.И. Тютчева — своего рода стихотворение в прозе.

* * *

Итак, мы видим, что во времена Н.И. Тютчева мурановский дом вдохновляет многих маститых и менее известных художников.

В последние годы в музее постепенно формируется новая коллекция — современные произведения на мурановскую тематику. Это работы Ю. Зиновьева, Н. Фролова, В. Дьякова, Г. Ивановой и других. Тема «Художники в Муранове» получает столь широкое звучание, что в 1980-е годы не без успеха проходят две выставки с таким названием.

В дни празднования 200-летнего юбилея Е.А. Боратынского в Музее-усадьбе устраивается выставка художественных произведений потомков поэта, среди которых есть профессиональные художники и любители. Большой интерес вызвали работы Д.А. Алексея, Ю.Б. Зиновьева, керамика Е.Н. Храмовой, акварели американских потомков поэта. Почти все вещи с выставки остались в музейной коллекции.

Одно из последних заметных событий в художественной жизни музея — выставка произведений Николая Андреевича Богословского (1927—2000) «Тихая моя родина». Эта выставка — знак уважения памяти нашего коллеги, художника-реставратора, который много сделал для музея, а также открытие настоящему талантливому художнику.

Живописные полотна и графические вещи, созданные в Муранове, умножают славу этого притягательного историко-культурного уголка России, а в ряде случаев становятся драгоценными страницами его художественной летописи.

Интерьер художественной выставки работ Н.А. Богословского. 2002